

Пролог

1976 год, октябрь

Ребенок больше не кричал. Отлично: этого она и добивалась! Стоит ли снять с шеи удавку, скрученную наспех из шерстяного шарфа? Да какая разница, все равно любому очевидна причина смерти. Можно ли по шарфу определить, кто совершил преступление?

Угрызений совести она не испытывала. Девять месяцев таскать в себе тяжесть и наконец вытолкнуть ее наружу, избавиться от бремени... Нет, никаких угрызений! Она смотрела на маленькое тельце, закутанное в стандартную роддомовскую пеленку, даже с некоторым удивлением. Неужели это могло когда-нибудь вырасти? Оно могло кем-то стать — артистом, инженером, врачом... Но она решила так: он вообще не должен был родиться!

И почему она не отказалась от ребенка в роддоме? Это ведь так легко! О нем позаботилось бы государство — оно обо всех заботится. А все акушерка с ее страхами, будь она неладна... Господи, какая же она дура — так обалдела от факта, что больше не беременна, что и не подумала спорить!

Она аккуратно уложила сверток поверх груды мусора, вспучившейся из полуоткрытого бака. Он ка-

зался таким огромным по сравнению с притихшим кульком, что от этого зрелища становилось жутковато. В последний раз оглянувшись на дело своих рук, девушка метнулась в сторону подворотни. Через пару минут за ее спиной раздался истошный вопль. Обернувшись, она увидела полную женщину в накинутой на махровый халат куртке, стоящую у помойки и держащую в руках сверток. Поглощенная неожиданной находкой, дама не замечала девушку, прячущуюся в тени арки. Когда она наконец подняла глаза, та бросилась наутек.

2016 год, октябрь

— Как, как ты мог поступить с нами подобным образом? Как только земля носит такое чудовище?

Леди Хорнберри стояла у массивного деревянного стола, впившись побелевшими пальцами в его край. Вся ее поза выражала скорбное отчаяние. Молодой мужчина среднего роста, чью стройную фигуру подчеркивал отлично сшитый костюм, смотрел на пожилую даму насмешливо. Когда он заговорил, в каждом его слове сквозила издевка:

— Миледи, земля выдерживала и большую нагрузку!

Он медленно, словно хищник, готовящийся к броску, обогнул стол и встал так, чтобы смотреть прямо в глаза визави.

— Иначе, — продолжал молодой человек, — как вы не провалились в геенну огненную, не только не наказанная за преступления, а процветающая! Уважаемая дама лондонского общества, безжалостный и авторитетный критик любого аутсайдера, нечаянно затесавшегося в узкий кружок... Самая незапятнанная репутация в Англии. И вдруг — боже правый!

— Вы, вы говорите о моих преступлениях, подлое вы создание? — вскричала леди Хорнберри, подаваясь вперед. Ее лицо оказалось в непосредственной

близости от пылающего лица молодого человека. — Вы соблазняли мать, лежа в постели с дочерью, не испытывая чувств ни к первой, ни к последней! Вы добивались лишь одной цели — проникнуть в то самое общество, о котором сейчас с таким презрением говорите. Вы мечтали, что вас станут принимать в уважаемых домах, хотели собственную ложу в театре — все это вы получили, не потратив ни гинеи. Но берегитесь: я ввела вас в общество, Томас Гослинг, я же и вышвырну вас оттуда. И, поверьте, вам будет очень больно падать с такой высоты!

— Не стоит волноваться, миледи, — спокойно ответил собеседник леди Хорнберри, ничуть не напуганный гневной тирадой. — Коли зашла речь о падениях... Вы уже присмотрели мужа для маленькой Марджори? Она не может выйти за простого смертного, наша принцесса, верно? Для Марджори Хорнберри — только самое лучшее! Но только вот возникла маленькая проблема: ваша милая дочурка беременна.

— Что?

Леди Хорнберри вскинула голову и впиалась взглядом в холодные голубые глаза Томаса Гослинга.

— Вы мерзкий, грязный...

— Осторожнее со словами, миледи! — прошипел он, не отступая ни на шаг. — И отойдите назад, потому что, сокращая пространство между нами, вы лишаете меня доступа свежего воздуха. Но болотная гниль, которой веет от вас, и могильный холод, неизменный спутник отравителей, не отпугнут меня! Что случилось с вашим первым мужем? Бедняга внезапно скончался от приступа астмы? Вдовушка утешилась, заполучив кругленькое состояние престарелого банкира. Потом пришел черед лорда Ковентри. Денег с гулькин нос, зато — титул. Но и наш лорд не задержался на этом свете, хотя ему едва стукнуло сорок! Зато Мар-

джори, маленькая Марджори родилась настоящей леди — с серебряной ложкой во рту и дюжиной высокопоставленных родственников. И это вы говорите мне о низости? Разве вы не собирались торговать дочерью в надежде продать ее подороже? Теперь это станет несколько, как бы выразиться помягче, затруднительно. По моим скромным подсчетам, она на пятом месяце, так что об аборте придется забыть: я уже вижу, как ваш деятельный мозг хватается за эту возможность как за спасательный круг. Что вы сделаете с несчастным маленьким ублюдком? То же, что с тем, другим, двадцать восемь лет назад оставленным на безлюдном перекрестке Кавингтон-кросс?

Леди Хорнберри вздрогнула и отпрянула.

— Кто вы? — с подозрением спросила она, буравя взглядом молодого человека. — Откуда вы столько знаете? И вы ничего не сможете доказать!

— А может, у меня есть доказательства, миледи? Что, если я могу взорвать ваш маленький, насквозь протухший мирок рассказом о вашей жизни до того, как вы стали многоуважаемой леди Хорнберри? Одно мое слово, и ваше имя забудут в гостиных и салонах, а ваша дочь станет самой нежеланной из всех невест Англии? Пожалуй, я начну с вашего детства. Дочь, кажется, мельника? Уважаемая профессия! Наверное, папаша надеялся, что дочка будет ему славной помощницей. Но в этой хорошенькой головке витали мысли, далекие от зерна и жерновов: ей хотелось вырваться из полунищенского существования, которое устроило бы девяносто процентов добропорядочных девушек ее сословия. Но Лора-Мэй не была добропорядочной — мы-то с вами знаем, леди Хорнберри, да? Маленькая чертовка только и мечтала сбежать из отчего дома и пуститься на поиски приключений. И она их нашла. Кто был отцом бастарда, мадам? Не сын ли обедневшего помещика, который впоследствии за-

стрелился, не сумев оплатить карточные долги? Он оказался слабой фигурой на вашей шахматной доске. Фигурой, оставившей к тому же неприятное последствие. У последствия было имя, миледи? Вы успели наречь его, прежде чем бросили умирать холодным осенним утром?

— Лжете! — запальчиво воскликнула леди Хорнбери. — Каждое ваше слово — ложь, и я не потреплю...

— Его назвали Кавингтон, — продолжал Томас Гослинг. — Джонни Кавингтон. Кавингтон — по названию перекрестка, где его обнаружил случайно проезжавший мимо священник, из-за дождя изменивший обычный маршрут. Джонни... А как еще могут звать ребенка, чья мать только что не убила его собственными руками?

— Где он? — проговорила женщина, едва ворочая языком. — Где мой сын?

— Вам было бы удобнее, если бы он умер в младенчестве? Бедный Джонни Кавингтон без роду и племени... Вы говорили, я не испытываю к вам никаких чувств — к вам и моей милой, нежной сестренке Марджори?

— Се...стренке? — ошеломленно произнесла леди Хорнбери.

— Вы ошибаетесь, — словно не слыша, продолжал Томас Гослинг. — Мое чувство сильнее любви. Оно даже сильнее вашей жажды власти и положения. Единственное чувство, которое я пронес через годы, — ненависть ко всему, что связано с вашим именем! Все, к чему вы прикасаетесь, становится грязным. Мне терять нечего, а вот вам... Ваш последний муж, держу пари, не знает о проделках женушки? А своей обожаемой падчерицы? Боже, какой скандал!

В этот момент молодой человек заметил, что женщина сжимает в руке бархатную сумочку. Она мяла ее так сильно, что рисковала порвать.

— Что у вас там, миледи? — спросил Томас и, грубо выхватив у леди Хорнберри предмет дамского туалета, раскрыл ее. — Вы, я вижу, решили изменить стиль?

Он двумя пальцами извлек из сумочки изящный револьвер.

— Не мышьяк, как с первым мужем? Не цианид, как со вторым? Мне предназначалась пуля! Что ж, гораздо гуманнее — если, конечно, вы хорошо стреляете. А вы хорошо стреляете, леди Хорнберри? Вы сможете убить с первого выстрела? Потому что, если нет..

Томас Гослинг не счел нужным заканчивать фразу. Он аккуратно положил револьвер на стол, в непосредственной близости от руки леди Хорнберри. Затем он развернулся на каблуках и медленно пошел к двери. Женщина продолжала стоять неподвижно.

— У вас есть лишь один способ остановить меня, — не оборачиваясь, бросил Томас Гослинг. — И всего пара минут, пока я не выйду.

Он взялся за ручку.

Леди Хорнберри, словно сломавшись пополам, грузно осела на пол. Томас еще постоял, не поворачивая головы, а потом распахнул дверь.

Занавес обрушился, отрезав зрителей от происходящего на сцене. В звенящей тишине раздался выстрел, заставивший многих в зале вздрогнуть. Рита судорожно сжала локоть Байрамова. Тот с удивлением посмотрел на нее, не представляя, что спектакль мог произвести на жену столь глубокое впечатление. Он не собирался идти в театр и сделал это лишь потому, что его заставила Рита. Игорь был равнодушен к драме и полагал этот жанр отжившим, поэтому известие о новой постановке «Перекрестка» Руперта Рингуолта, забытого драматурга начала прошлого века, его в отличие от Риты не вдохновило. Хотя Бай-

рамов подозревал, что, если бы в главной роли не был занят Сергей Свердлин, его жена охотнее провела бы вечер дома.

— Как думаешь, она его убила? — задумчиво спросила Рита, когда Байрамов помогал ей одеваться в гардеробе. — Или сама застрелилась?

— Понятия не имею, — пожал плечами Игорь. — Терпеть не могу неопределенные концы! Хотя дамы вроде леди Хорнберри обычно не пускают себе пулю в лоб, предпочитая уничтожать других.

Рита незаметно улыбнулась: Игорь не остался равнодушным к пьесе, иначе не удостоил бы ее такой реплики, сильно попахивавшей анализом! Рита знала, что он отправился в театр только потому, что она настояла, и еще потому, что Сергей Свердлин — его друг. Если бы не эти два факта, то Байрамова не удалось бы затащить на драматическую постановку.

— А как тебе Свердлин? — спросила Рита, твердо намеренная заставить мужа выразить мнение в отношении спектакля. — Великолепен?

— Мне больше нравится смотреть на него на экране, — пожал плечами Игорь.

Рита снова улыбнулась. Сергей Свердлин считался самым знаменитым из ныне живущих отечественных актеров театра и кино. Он был едва ли не единственным русским артистом, которому удалось покорить европейские подмостки, одинаково успешно снимающимся как у российских, так и у зарубежных режиссеров. Рита не любила бульварную прессу, но не пропускала ни единой заметки о Свердлине. Она знала, что он в данный момент курсирует между Питером, Римом и Лондоном, играя в спектаклях и участвуя в киносъемках. Если правда тот факт, что языковой барьер являлся единственным препятствием проникновения русскоязычных артистов на заграничные сцены, то для Сергея Свердлина его не существова-

ло — он прекрасно владел английским, французским и итальянским, что позволяло ему не прибегать к помощи дублеров.

— Хочешь за кулисы? — предложил Игорь безразличным тоном, понимая, что Рита продаст душу дьяволу за возможность пообщаться с кумиром.

— Ты серьезно? — спросила она, замерев.

Байрамова забавляло то, как серьезно его жена относится к ситуации. Она обладала невероятной способностью сохранять хладнокровие в самых сложных и опасных обстоятельствах, но таяла, как снежная баба, при одном упоминании имени Свердлина. Игорь не ревновал, может, самую капельку. В любом случае он не мог отказать жене в удовольствии лично пообщаться с идолом.

Когда они подошли к гримерной, на которой золотыми буквами было выбито имя «Сергей Свердлин», Байрамов легонько постучал.

— Никого нет! — услышала Рита громкий, хорошо поставленный голос. — Господи, я же просил!..

Дверь распахнулась, и в проеме возникла взъерошенная светловолосая голова. Лицо выражало раздражение, но при виде Байрамова расплылось в улыбке.

— Так-так-так, — проговорил актер, насмешливо глядя на Игоря. — Все же решил удостоить меня посещением?

В этот момент он заметил Риту.

— А-а, — протянул Свердлин, — вот, значит, кому я обязан! Никак, это твоя мифическая жена?

— Почему же мифическая? — возмутилась Рита.

— Да потому, красавица, что он мне о вас много рассказывал, но так ни разу и не показал, — обезоруживающе улыбнулся Сергей. — Я, честное слово, начал сомневаться, существуете ли вы на самом деле!

— Ну вот, теперь ты видишь, что она существует, — буркнул Игорь, проталкивая Риту в гримерку. — И не только существует, но и горит желанием с тобой познакомиться.

— Польщен. Боже мой...

Рита замерла на пороге, решив, что уже успела что-то сделать не так. На лице Свердлина читалось замешательство, к которому примешивалась изрядная доля восхищения. Синие глаза артиста сияли, когда он разглядывал Риту, неловко переминающуюся с ноги на ногу посреди маленького помещения.

— Боже, какая женщина! — пробормотал Свердлин. Она оказалась выше его, по меньшей мере сантиметров на десять, если не считать каблучков, а Сергей гигантским ростом не отличался. Рита не считала это недостатком для столь обаятельного мужчины.

— Где ты ее откопал, Игорек? — спросил между тем Свердлин.

Рите показалось, что она ослышалась: ни один человек, включая ее саму и даже горячо любимую тещу, не смел называть Байрамова уменьшительно-ласкательным именем.

— Простите меня, милая дама, — шутовски поклонился Свердлин, поняв, что посетительница чувствует себя неудобно. — Я только хотел сказать, что не ожидал, что Игорек найдет себе кого-то... кого-то такого невероятно большого и красивого!

Рита почувствовала, что начинает краснеть, как девственница.

— Да уж, куда тебе! — фыркнул Байрамов беззлобно.

— Если не возражаете, я продолжу приводить себя в божеский вид, — сказал актер.

Только сейчас Рита сообразила, что он стоит перед ними в одних джинсах.

— Вы должны простить меня, — продолжал он, усаживаясь напротив зеркала и снимая ватным там-

поном остатки грима, — за прохладный прием. Я пустил слух, что уже уехал, чтобы мои обожаемые поклонницы отвалили от дверей! Когда ты постучал, Игорек, я испугался, что не все в это поверили.

— Да, — ухмыльнулся Байрамов, — они могли порвать тебя на сувениры.

— Ты же знаком с процедурой, — пожал плечами Свердлин, натягивая белую водолазку и приглаживая взлохмаченные волосы пятерней. — Я с уважением отношусь к своим почитателям. Где бы мы все были, если бы не их любовь? Но иногда, — лицо Сергея приобрело виноватое выражение, — они немного мешают жить.

Рита понимала. Имея знаменитого мужа, она и сама отчасти жила жизнью шоу-бизнеса. Поклонники балета относятся к более интеллектуальной категории граждан и соответственно ведут себя прилично — по крайней мере в большинстве случаев. Свердлин же, будучи актером театра и кино, имел дело с более широкой аудиторией, зачастую выражающей восторги не вполне адекватно.

— Вот, вроде бы вернул себе человеческий облик.

Свердлин улыбнулся своему отражению и повернулся лицом к Рите и Игорю, примостившимся на банкетке. Рита получила возможность в деталях разглядеть своего кумира вблизи. Она призналась себе, что Сергей выглядел точно так, как на фотографиях в глянцевых журналах — фантастически привлекательно! Его тип сильно отличался от байрамовского. Игорь высок, темноволос, с резкими, неправильными чертами лица и светло-карими, почти желтыми глазами, смахивавшими на кошачьи. Свердлин среднего роста, стройный и сложенный как атлет-многоборец, с крепкой шеей, на которой ладно сидела светловолосая голова. Загорелая кожа, греческий нос, высокие скулы и ярко-голубые, практически синие

глаза сделали бы его похожим на голливудских звезд с целлулоидной внешностью, если бы не невероятная подвижность каждого мускула его живого, богатого мимикой лица. Когда Сергей улыбался, на его щеках появлялись соблазнительные ямочки, как у маленьких детей. Если он смеялся, то так заразительно, что невозможно было не рассмеяться в ответ. Казалось, он вообще не бывал серьезным, что импонировало Рите. Она тяжело сходилась с людьми и не слишком уютно чувствовала себя в незнакомых местах. А вот Свердлин, судя по всему, везде в своей тарелке.

— Вы на машине? — поинтересовался он.

Они одновременно кивнули.

— Подбросите меня?

— А с твоей тачкой что не так? — спросил Игорь.

— Байрамов! — прошипела Рита. — Разумеется, мы вас подвезем!

— Только не надо официоза! — замахал руками Сергей. — Марго... тебя же Марго зовут? Давай на «ты», а то я смущаюсь.

— Это ты-то смущаешься? — поднял брови Игорь. — Ты вообще знаешь, что это такое?

— Читал, — отозвался Свердлин. — Поехали?

Идя к машине, Рита и Сергей болтали о незначительных вещах. Она удивилась, как легко с ним разговаривать. Завернув за угол, Свердлин вдруг отпрянул обратно.

— Черт, так и знал! — прошептал он, прячась в тени здания театра.

У входа толпились человек тридцать с цветами и мягкими игрушками, и миновать их незаметно не представлялось возможным.

— Я подгоню машину, — вздохнул Игорь. — Как только подъеду, сигайте внутрь.

И он двинулся в сторону парковки. Несколько поклонниц Свердлина цепкими взглядами проскани-

ровали одинокого прохожего, но не узнали и вновь отвернулись к двери в напряженном ожидании. Через пару минут появился недавно приобретенный вишневым «Конкорд» Байрамова. Он затормозил у бордюра и распахнул дверцу. Сергея не пришлось приглашать дважды: он ловко нырнул на заднее сиденье, а Рита уселась рядом с мужем. Поклонницы, осаждающие служебный вход, заметили трюк и кинулись к машине.

— Жми! — весело крикнул Свердлин. Новенькая машинка взревела и сорвалась с места, оставив почитательниц таланта актера на тротуаре.

— Вам их не жалко? — спросила Рита Сергея.

— Жалко, — согласился он. — Стыдно до невозможности, но, честное слово, я так устал, что не в состоянии их ублажать!

Всю дорогу до дома Свердлин молчал. Рита подозревала, что он уснул, но не могла сказать точно, так как его лицо находилось в тени и она не видела его в зеркало. Однако, как только Байрамов начал притормаживать, актер встрепенулся.

— Вы меня спасли! — с чувством произнес он. — И я обязан вас отблагодарить.

— Да брось ты! — отмахнулся Игорь.

— Нет-нет, я серьезно. Приглашаю вас на день рождения.

— У тебя же в декабре? — удивился Байрамов.

— Да не мой день рождения! — рассмеялся Сергей. — У Рогозиной юбилей.

— У Илоны Рогозиной? — уточнила Рита.

— Вы еще вместе? — почти одновременно с ней спросил Игорь.

— А как же, — улыбнулся Свердлин. — Не можем расстаться, ведь мы оба заключили сделку с дьяволом!

Рита не поняла, что он имеет в виду, но Сергей, похоже, не собирался развивать тему.

— Я пришло приглашения, — подытожил он. — Завтра, на адрес твоего театра, Игорек, лады?

В этот момент раздался звук, заставивший Риту вздрогнуть всем телом. Ей показалось, что в машине каким-то непостижимым образом оказался целый стадион сумасшедших болельщиков, дружно скандировавших «Зенит — чемпион!» на фоне жутко громкой музыки и рева трибун.

— Господи, что это? — воскликнула Рита.

— Пардон, друзья, — извинился Сергей, шаря в кармане и извлекая телефон.

В течение минуты он разговаривал с кем-то по-итальянски. Единственными словами, которые она поняла, помимо *si* и *no*, были *tesoro mio* («мое сокровище»). Рита бросила многозначительный взгляд на Байрамова, но тот и бровью не повел.

Когда Сергей вылез из машины и быстрым шагом направился к парадной, Рита спросила Игоря:

— У них с Рогозиной и вправду роман? Она же лет на тридцать старше!

— Если не больше! Не знаю, что у них за отношения. Тебе должно быть лучше известно, ведь это ты читаешь желтую прессу.

Рита натыкалась на заметки о том, что Свердловина все чаще видели в компании Илоны Рогозиной, престарелой театральной дивы. Хоть она на старости лет и связалась с молодым, Рита не могла не восхищаться этой женщиной. Рогозина прекрасно выглядела, красиво одевалась и сохраняла стройную, почти девичью фигуру, а в ее возрасте это дорогого стоит! Рогозина не раз прибегала к услугам пластических хирургов, но какая разница? Актриса обязана хорошо выглядеть, ведь лицо ее кормит. Женщины этой профессии переносят старение болезненно. Мужчины-актеры могут играть героев-любовников до преклонных лет, а с женщинами все иначе. Их звездный период короток,

потом на пятки начинают наступать более молодые. Роли героинь стареющие актрисы постепенно сменяют на их мамаш, а потом радуются даже паре-тройке малозначительных реплик, которые удастся произнести со сцены. А ведь они чувствуют в себе силы и желание играть, у них масса опыта, но драматурги не пишут для пожилых актрис, и юные завоевывают подмостки, оставляя на задворках тех, кто еще недавно собирал полные залы. Саре Бернар повезло: она продолжала играть Джульетту и будучи почтенной матроной. Вымышленный персонаж Моэма, так любимая Ритой Джулия Ламберт, тоже страдала от кризиса среднего возраста и предвидела время, когда потеряет главные роли.

Последние несколько лет имя Рогозиной редко упоминалось в прессе. Поговаривали, что актриса оставила сцену. Она не давала интервью и не светила в ток-шоу, которые кормят артистов в отсутствие ролей. Судя по материалам газет, актриса обладала склочным характером, и оставалось лишь удивляться, что такой светлый человек, как Сергей Свердлин, состоит с ней в близких отношениях!

— Мог бы найти себе помоложе, — пробормотала Рита. — Как думаешь, что за итальянка ему звонила?

— Ты так уверена, что он разговаривал с женщиной?

— У него было такое выражение лица, а еще интонации...

— Ладно, — пожал плечами Игорь, — его личное дело.

* * *

Она плавно провела рукой по щеке, по губам, перешла к подбородку и осторожно спустилась по шее к линии декольте. Потом поднесла ладонь к глазам и потерла друг о друга большой и указательный паль-

цы, пытаюсь понять, остался ли на них слой тонального крема. Кажется, нет — эта фирма и впрямь заслуживает доверия, как гласит реклама. Правда, красота и стоит столько, что страшно произнести вслух! Зато можно не бояться, что в самый неподходящий момент она осыплется с тебя, как осенняя листва с деревьев.

Операция по круговой подтяжке лица прошла превосходно, убавив лет десять. Именно это сейчас и требовалось — выглядеть моложе, чем гласят данные в паспорте. Легкий взмах пуховки, и на бледных щеках расцвел девичий румянец. Несколько штрихов подводкой — и из зеркала на актрису глянули миндалевидные глаза Клеопатры. Тушь, помада телесного цвета и перламутровые тени довершили портрет совершенства.

Женщина поднялась с табурета, на котором сидела, и критически осмотрела себя в зеркале в полный рост. Платье, пожалуй, чересчур облегает фигуру. Поправились на пару килограммов? Ничего, у нее в запасе несколько дней, чтобы избавиться от лишнего жира на талии. На собственном юбилее она будет выглядеть как картинка, и ни у кого не возникнет вопроса о том, сколько ей лет на самом деле.

За долгие годы в театре Илона привыкла репетировать каждый шаг — от выхода на сцену до похода в магазин. Любое появление на людях тщательно планировалось. Илона знала, как накрасится, какое платье наденет с какими туфлями и какой платочек повяжет на шею. Поначалу бывало трудно — шутка ли, постоянно следить за малейшим своим жестом? Но постепенно это стало частью натуры Илоны, и она не мыслила себе иной жизни.

Теперь все труднее... Неужели это станет ее концом? Концом великой Илоны Рогозиной, недостижимой мечты десятков тысяч мужчин на протяжении

более сорока лет? Врагу не пожелаешь такой жалкой развязки... Но в ее пьесе такого не случится! Единственное, что может сделать Илона, так это сама написать свою роль — от начала до финала. И финал будет таким, каким захочет она.

* * *

— Я не собираюсь работать с ней, даже не проси!

Валерия Краснопольская театральным жестом закрылась от собеседника.

— Но, душечка, как же так? — молитвенно сложив руки, пробормотал режиссер, недоумевая, что могло произойти за двадцать четыре часа, которые прошли с момента получения согласия актрисы.

Ролан Антонович Дикий за свои сорок девять лет, большую часть которых он провел в обществе актеров, научился их понимать. И не только понимать, но и обращаться с ними правильно. Для Дикого артисты не были людьми. Они представляли собой предметы, к каждому из которых следовало найти особый подход. Глядя на актера, Дикий видел фарфоровую вазу, медную кастрюлю или хрустальный бокал. Знали бы они, какими предстают в воображении режиссера! Сейчас перед Роланом Антоновичем — явно фарфоровая ваза. Она отказывалась слушать, что подписала контракт и что теперь их отношения — вопрос юридический. Еще вчера Краснопольская сияла от счастья, узнав, что ей предлагают роль в антрепризном спектакле, где ее партнерами станут Илона Рогозина и Сергей Свердлин. О таком можно только мечтать, и Дикий считал, что угасающая звезда Валерии должна ухватиться за этот шанс обеими руками! А она что делает? Заявляет, что отказывается играть на одной сцене с Рогозиной?

Дикий не мог не знать, что две старухи, как называли их за глаза в театральной среде, ненавидят друг

друга. Никто точно не знал, что за черная кошка пробежала между ними, но Дикий не верил, что причина вражды была исключительно профессиональная.

Примерно одного возраста, хотя Краснопольская при всяком удобном случае подчеркивала семилетнюю разницу, абсолютно непохожие по темпераменту, две эти женщины в равной степени обладали драгоценным для каждого режиссера качеством — они были актрисами до мозга костей. Каждая представляла собой прекрасный податливый материал, из которого умелый специалист мог вылепить любой характер.

Но это — на сцене. В жизни Рогозина и Краснопольская слыли сущими мегерами, и иметь с ними дело считалось нелегким жребием. Поначалу Дикий воспринял идею соединить двух старух на одной сцене в штыки. Он и представить не мог, как станет разбираться с ними, когда каждая начнет тянуть одеяло на себя. Чтобы разбавить ядреный дуэт, было решено пригласить в постановку Сергея Свердлина. Все знали, что его с Рогозиной связывают романтические отношения и, вполне возможно, ему удастся сдерживать престарелую возлюбленную. Дикий понимал, что идея спектакля хороша до невозможности. Две знаменитые примы преклонных лет в сочетании со Свердлиным, чье участие в любом мероприятии уже само по себе обеспечивает кассу, произведут фурор, просто взорвут подмостки! Но, черт возьми, какой ценой?

Пьеса, предложенная Дикому, называлась «Монстры». Время действия — середина XIX века, место действия — Санкт-Петербург. Две героини, пожилые светские львицы, без конца соперничают друг с другом. Строя козни и вовлекая в них близких людей, они приближают себя к трагической развязке. Костюмная драма, напряженный сюжет и участие

звезд не могло не привлечь в театр толпы желающих. Молодой драматург, автор пьесы, признался режиссеру, что писал своих «Монстров» с Краснопольской и Рогозиной. Дикий не мог не признать, что портрет удался: роли просто созданы для этих женщин! Ему ли не знать, что для стареющих актрис такой шанс — подарок судьбы? Да кому они нужны в свои под и за шестьдесят? Постановка станет для них лебединой песней, возможностью уйти на покой с триумфом, оставив о себе яркую память. Но Краснопольская вдруг заартачилась. Вот почему Дикий не любит антрепризу: на одной сцене собираются артисты, не соблюдающие субординацию, принятую в труппах отдельных театров, просто потому, что каждый считает себя пупом земли. Им и невдомек, что они — винтики в механизме, способ заработать деньги и как личности никого не интересуют! Их дурацкие прихоти раздражают и тормозят процесс, который мог быть намного плодотворнее, уделяй артисты больше внимания репликам, а не разборкам друг с другом. К несчастью, театр без актеров существовать не может, и Ролану Антоновичу всю жизнь приходится изворачиваться, чтобы спектакль состоялся при минимальном кровопролитии. Он предвидел, что при постановке «Монстров» сцена обAGRится реками крови — если, разумеется, ему удастся уговорить Краснопольскую!

— Лерочка, ведь ты же знала, что тебе придется играть с Рогозиной, когда подписывала контракт? — увещательным тоном, словно урезонивая непослушное дитя, проговорил режиссер. — Ты даже сказала, что будет интересно встретиться после стольких лет...

— Я передумала! — прервала его актриса. — Как я буду выглядеть рядом с женщиной, только что сделавшей пластическую операцию? Я вот не прибегаю к помощи пластических хирургов, у меня все нату-

ральное, а ведь Рогозина намного старше! Что же, она будет казаться девочкой на моем фоне?

Он помнил Валерию пышной блондинкой, чьи формы навевали эротические сны не одному поколению мужчин. Ее черные, пронзительные глаза заставляли мужские сердца плавиться, подобно воску, а аппетитные, полные губы приглашали к поцелую. До сих пор в театре висел портрет Валерии Краснопольской тридцатилетней давности — она отказалась заменить его на более современный. И немудрено! Годы обошлись с Валерией беспощаднее, чем с ее соперницей. Невоздержанность в еде привела к излишней полноте и дряблости кожи, а дурной характер — к обвисанию когда-то прекрасных черт лица. Илона Рогозина ревностно следила за фигурой, и даже сейчас со спины ее можно принять за молодую девушку — неудивительно, что Сергей Свердлов оказался во власти ее обаяния!

А насчет пластических операций... Дикий знал из достоверных источников, что Валерия посещает клинику пластической хирургии не реже двух раз в год и она явно лукавит, говоря, что является приверженкой естественной красоты! Но он не собирался спорить с актрисой, ему требовалось только ее согласие на постановку, которая неожиданно оказалась под угрозой.

— Но, моя милая, — продолжал режиссер, — ты и Рогозина — разные типажи, в этом-то и соль! Каждая из вас прекрасна по-своему, и никакие пластические операции или их отсутствие не могут лишить вас шарма!

— Шарма? — взревела Валерия. — Все станут нас сравнивать, говорить, что Рогозина выглядит на двадцать лет моложе! Облезлая кошка уж постарается затмить меня хотя бы внешностью, так как не может этого сделать при помощи таланта... Боже, да какого

таланта? Она никогда им и не обладала, проложила себе дорожку на сцену через постель — все в курсе!

Дикий давно освоил полезный трюк: когда ситуация становилась критической и артист начинал выходить из себя, режиссер отключал слух. На его лице застывала вежливая маска, говорящая, что он внимательно прислушивается к словам собеседника. На самом же деле Дикий переживал, когда у того закончится запал и он выдохнется. Валерия чувствовала себя защищенной в стенах своего театра, а он, Дикий, находился на вражеской территории. Здесь Валерия могла себе позволить ерепениться, но контракт есть контракт, и придется выполнять условия, даже если сейчас ей кажется, что это необязательно. Глядя на Краснопольскую, Ролан Антонович видел торговку пивом, с раскрасневшимся лицом, лоснящимися щеками, близко расположенными к поверхности кожи сосудами и сверкающими от гнева глазами. Актриса распалилась не на шутку, и у Дикого оставалась крошечная надежда, и она безбожно опаздывала!

Дикий обожал театр. Не потому, что он кормил и поил его на протяжении многих лет, а потому, что жизнь подобна сцене: в нужный момент происходят события, которые не могли не произойти, и неразрешимая ситуация принимает неожиданный, зачастую приятный оборот. Правда, такие неожиданности нуждаются в тщательной режиссуре — это Ролан Антонович также усвоил за годы карьеры.

Снаружи тихонько постучали.

— Войдите! — хором отозвались режиссер и актриса.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Сергей Свердлин — свежий и сияющий, как праздник Восьмое марта. В руках он держал букет из кремовых роз и хризантем.

Дикий сделал удивленное лицо.

— Сережа? Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Ролан Антонович? — очень правдоподобно изумился Свердлин. — Вот так приятный сюрприз! Что ж, я, пожалуй, зайду попозже...

— Пойдите! — остановила актера Валерия.

Дикий в очередной раз поразился, как быстро эта женщина способна преображаться: только что она возмущалась и орала во всю силу своих могучих легких, и вот превратилась в нежную овечку!

— Эти прекрасные цветы для меня? — спросила она, лучезарно улыбаясь гостю.

— О... — Сергей весьма натурально покраснел. — Разумеется!

И он протянул букет актрисе.

— Сереженька, как вы узнали, что хризантемы — мои любимые?

— Неужели? Надо же, как я угадал!

Дикий был в восторге: его утренний звонок помог парню с догадкой насчет цветочков, а теперь должен свести на нет все возражения Краснопольской.

— Я заскочил сказать, — продолжал Свердлин, — как рад тому, что мы окажемся на одной сцене. Нам ведь раньше не доводилось играть вместе, но я всегда об этом мечтал, Валерия...

— Называйте меня Лерой, — жеманно протянула актриса, уткнув нос в букет. — Ведь нам предстоит общаться достаточно близко, чтобы не придерживаться формальностей, верно?

Черт, а не переборщили ли они с сахаром? Дикий заволновался. Официально Сергей — бойфренд Розгиной, и ни в коем случае режиссер не собирался допускать грызни из-за мужчины в своей постановке. Оставалось надеяться на Свердлина: ему предстоит мастерски балансировать между двумя актрисами, не позволяя им сталкиваться лбами. До сих пор такие трюки ему удавались!

Рите не работалось в одиночестве. Ее помощники, Света и Кира, находились в отпуске, завершив текущие дела. Рита радовалась такому раскладу: несколько дней отдыха ей не повредят. Опять же, появился шанс провести время с семьей. Правда, Байрамов постоянно торчит либо в театре, либо в своей школе танца, как раньше отец, и Наталья Ильинична ворчит, что у дочери с мужем нет никакой личной жизни. Каждый занимается своим делом, а встречаются Рита и Игорь только за ужином.

Она посмотрела на часы: половина четвертого. Документы для налоговой готовы, и завтра она их отвезет. Можно со спокойной совестью ехать домой, и она еще успеет прибраться и приготовить что-нибудь на ужин.

Рита принялась собирать сумку, как вдруг по селектору позвонил охранник:

— К вам тут клиентка, Маргарита Григорьевна. Впустить?

Похоже, ее благие намерения таковыми и останутся!

— Конечно, пропусти, — вздохнула Рита и убрала сумку со стола.

Через пару минут в дверь робко постучали. Вошла женщина лет тридцати приятной наружности, скромно одетая.

— Так это вы занимаетесь частными расследованиями? — недоверчиво спросила она, разглядывая Риту. Очевидно, посетительница ожидала увидеть кого-нибудь более солидного. Рита не раз сталкивалась с подобным отношением и научилась не обижаться на тех, кто не принимал ее всерьез. Вот и эта девица, наверное, уже обдумывает пути отхода, но ей неудобно сразу развернуться и выскочить за дверь. Рита

не стала предлагать ей сесть, а стояла в ожидании, на что же решится незнакомка. Та немного помялась и наконец подошла к столу и присела в кресло, не дожидаясь приглашения. Тогда Рита тоже села: видимо, побег отменяется!

— Меня зовут Людмила, — начала визитерша. — Людмила Стебенкова. И у меня пропала мама.

Рита вскинула брови.

— Понимаю ваше удивление, — печально кивнула клиентка.

— Да, вы уж извините, — сказала Рита. — Просто обычно родители детей ищут!

— У нас с мамой непростые отношения. Мы редко видимся.

— А что так?

Рита понимала, что у людей могут быть разнообразные отношения с родственниками, но для нее самой мама всегда оставалась близким человеком. Рита не собиралась осуждать Людмилу, так как не знала обстоятельств. Возможно, ее мать сама виновата в прохладных взаимоотношениях? Словно поняв, о чем размышляет Рита, клиентка сказала:

— Вы не подумайте, мама не плохой человек. Даже наоборот, слишком хороший! Она больше о других думает, чем о себе. Наверное, я ее не смогла понять, потому все так и получилось. Мама всегда готова прийти на помощь, нестись куда-то среди ночи, откачивать своих подруг, утешать, одалживать деньги и так далее... Она постоянно занята. У меня дети, и помощь бабушки не помешала бы, а она все времени не найдет. Вышла на пенсию — все, думаю, теперь-то уж точно станет внуков нянчить. Но нет, она снова устроилась на работу, представляете? Зачем — денег ей не хватало? Мы с мужем нормально зарабатываем и в состоянии ее обеспечить. Гораздо больше нам пригодилась бы помощь с детьми и по дому, но мама

ничего слушать не хотела! Вот тогда-то мы и поссорились, практически перестали общаться.

— Когда это случилось?

— Да уж третий год пошел. Я, конечно, виновата, ведь я ни разу не попыталась поговорить с мамой, как-то все прояснить... Но ведь и она не делала первый шаг, понимаете?

Рита не понимала. Возможно, потому, что Наталья Ильинична сильно отличалась от женщины, описанной Людмилой. Всегда с детьми, готовая поддержать, Наталья Ильинична не упускала их из виду. С детства все трое, Катя, Миша и Рита, чувствовали материнскую любовь и заботу во всей ее полноте. В отличие от тираничного Григория Сергеевича его жена не навязывала детям своего мнения, не пыталась доминировать. Она была согласна занимать в их жизнях не первое место, а то, которое позволит находиться поблизости и при необходимости протянуть руку помощи. Рита не сомневалась, что, решись она на рождение ребенка, Наталья Ильинична станет помогать ей с не меньшим рвением, чем сейчас помогает Мише.

— Так что же все-таки случилось? — спросила Рита.

— У мамы неделю назад был день рождения, вот я и решила с ней помириться. Целый день ей звонила, но никто не брал трубку. Это меня не удивило: мама могла отправиться справлять праздник к одной из своих многочисленных подруг. Но на следующий день тоже никто не отвечал на звонки. Я начала дергать ее приятельниц, но они оказались не в курсе событий. Вот тогда-то я и забеспокоилась по-настоящему!

— Вы ходили к маме домой?

— Разумеется. Там все в идеальном порядке, если не считать толстого слоя пыли на мебели.

— Ваша мама аккуратистка?

— Не сказала бы, но раз в неделю она непременно тщательно убирает в квартире.

— Вы с соседями разговаривали?

— С теми, кого удалось застать. Они ничего подозрительного не видели и не слышали, но удивлялись, что давненько маму не видели.

— Вы сказали, она устроилась на работу?

— Вот в этом-то и загвоздка, — покачала головой Людмила. — Она ведь не в офисе работала.

— На дому?

— Мама была личной помощницей одной известной актрисы. Может, вы ее знаете — Илона Рогозина?

Рита машинально кивнула, одновременно подумав, какие странные совпадения случаются в жизни. Только вчера утром Сергей Свердлин прислал им с Байрамовым приглашения на юбилей Рогозиной, и вот к ней приходит дочь женщины, работавшей на актрису!

— Как давно ваша мама с Рогозиной? — спросила Рита.

— Года три, наверное.

— Работа ей нравится?

— Не могу сказать. Мама и так-то не больно со мной откровенничала, а с тех пор, как стала работать у Рогозиной, и вовсе старалась держать язык за зубами. Не знаю, может, актриса требовала от нее соблюдения конфиденциальности?

— Возможно. Так вы беседовали с Рогозиной?

— Что вы, до нее не добраться! — воскликнула Людмила. — Я ходила в театр, но она отказалась меня принять.

— Почему?

— Понятия не имею. Я пыталась раздобыть ее телефон или адрес, но ничего не вышло. Я работаю, у меня дети, и помочь некому! Поэтому я к вам и пришла. Сможете что-то сделать?

— Попытаюсь, — ободряюще улыбнулась Рита.

— Во сколько это обойдется? — с беспокойством спросила Людмила. — Видите ли, я и муж, мы неплохо зарабатываем, но...

— Думаю, мы договоримся. Оплата посуточная, и если вы наймете наше агентство, мы проведем расследование в течение нескольких дней. Я буду держать вас в курсе всего. Согласны?

Людмила ненадолго задумалась.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Договорились!

— Мне понадобится полное имя вашей мамы, ее паспортные данные и адрес с телефоном. У нее есть сотовый?

— Да, — кивнула Людмила. — Я много раз на него звонила, но безрезультатно.

— Все равно дайте мне и этот номер тоже.

Людмила записала информацию на листке бумаги.

Вот и новое дело нарисовалось, а она ребят отпустила. Придется все делать самой.

* * *

Юбилей Илоны Рогозиной отмечали в ресторане «Восточные сладости». Его директор был личным другом режиссера Дикого, поэтому все было устроено по высшему разряду. Небольшой, но уютный зал украсили портретами Рогозиной разных лет и сценами из спектаклей. На столах стояли белые лилии и розы, и их сладковато-пряный аромат наполнял помещение.

Они вошли в ресторан без десяти семь. Рита редко ходила на приемы, если, конечно, в театре Байрамова не было премьеры. У нее имелось несколько красивых вечерних нарядов, купленных по настоянию лучшей подруги Варвары, обладавшей великолепным вкусом в одежде и отвратительным во всем, что ка-

сается мужчин. Приобретая эти платья и костюмы, Рита понятия не имела, зачем уступает Варьке, но, каждый раз вынужденная куда-то отправляться с мужем, она мысленно благодарила подругу за то, что ей есть что надеть.

На этот раз Рита остановилась на кремовом костюме, состоящем из юбки-брюк и блузки с вышивкой. Наряд превосходно смотрелся на ней, и Рита решила, что это даже лучше, чем вечернее платье. Она вставила в уши жемчужные серьги, а на шею надела ожерелье. Свои роскошные светлые волосы она собрала на затылке, прихватив заколкой в форме бабочки.

Войдя в зал, Рита окунулась в атмосферу суеты и веселья. Но в воздухе витало что-то еще, едва осязаемое, и Рита, чувствительная к подобным вещам, сразу это ощутила.

— В чем дело? — спросил Игорь, когда она, сама того не замечая, сжала его локоть слишком сильно.

— Ничего, — ответила Рита, стараясь в общем гуле уловить обрывки разговоров.

— ...у кого она делала последнюю подтяжку, не в курсе? Рот-то еле открывается...

— ...со Свердловским? Да что вы говорите!

— ...Краснопольская? Вот так новость! Неужели придет?

— ...Шестьдесят? Глупости, шестьдесят уже праздновали! Ей не меньше шестидесяти пяти...

И все в таком духе. Рите показалось, что в словах приглашенных маловато искреннего восхищения знаменитой актрисой. Казалось, их больше волнуют последние сплетни, нежели предстоящее торжество. Строго говоря, сама Рита гнала бы таких доброжелателей поганой метлой! Очевидно, Рогозина не умеет выбирать друзей.

— Привет, привет! Шикарно выглядите, вы оба!

Рита увидела устремившегося им навстречу Сергея. Как вышло, что после единственной встречи и разговора по телефону, чтобы подтвердить получение приглашений на юбилей Рогозиной, Рита стала относиться к актеру как к давнему приятелю? Наверное, дело в самом Свердлине, и каждый, кто поговорит с ним хотя бы раз, начинает считать себя его лучшим другом. Его широко раскрытые голубые глаза сияли, волосы казались слегка растрепанными, хотя, несомненно, их укладывал дорогой парикмахер, чтобы добиться подобного эффекта, а шикарный черный смокинг подчеркивал стройную фигуру.

Пока Сергей и Игорь жали друг другу руки и обменивались новостями, Рита с удовольствием их разглядывала. Они казались такими же разными, как раннее утро и глубокая ночь, и в то же время, очевидно, их многое связывало.

— Ты прекрасна! — откровенно сказал Сергей, целуя Риту в щеку. — Охраняй ее, Игорек, а то вокруг полно голодных мужиков!

— Боюсь, это они нуждаются в охране, — усмехнулся Игорь. — Любой из них подавится моей женой, если захочет откусить от нее кусочек! А где твоя... девушка?

— Моя девушка готовится к торжественному выходу. Она меня выгнала, чтобы навести марафет. Чуть позднее мне надо бы поболтать с тобой наедине, Марго!

Пропустив мимо ушей последнюю реплику, Рита подумала о том, что такой классный парень, как Свердлин, мог легко найти себе молодую спутницу жизни. Зачем он связался с престарелой актрисой, чьи дни славы отсчитывают последние часы?

Но когда появилась Рогозина, Рита поразились, как здорово она выглядит. Сколько же ей лет? Рита видела миниатюрную, стройную женщину, затяну-

тую в блестящее, как змеиная кожа, черное платье с глухим воротом, скрывающим шею, могущую выдать возраст. Прическа актрисы смотрелась идеально: каждый волосок на своем месте, а пепельный цвет весьма к лицу. Нависающие веки обычно указывают на количество прожитых лет, но, насколько слышала Рита, Рогозина недавно сделала пластическую операцию и глядела на мир широко открытыми светло-зелеными глазами, когда-то сводившими с ума многочисленных поклонников.

— Она великолепна! — шепнула Рита, наклонившись к Игорю. Тот кивнул в ответ.

Их места за столом оказались почти рядом со Свердлиным и Рогозиной. Справа от актрисы сидел Сергей, слева — неприметная женщина лет тридцати пяти или сорока, которую Рита не знала. Тоже актриса? Вряд ли. Высокая, крепко сбитая незнакомка была одета в строгую белую блузку и черную юбку до колен. Туфли-лодочки; рыжевато-каштановые волосы собраны в тугий пучок на затылке. Рита ни за что не обратила бы на нее внимания, если бы не гренадерское телосложение: девица напоминала отставного сержанта и библиотекаршу одновременно. Интересно, почему она сидит рядом с именинницей — может, родственница?

Сергей трогательно ухаживал за Рогозиной, и Рита подумала, что не каждая юная дива получает от своего кавалера такое количество внимания. Один раз Рита встретилась с Сергеем взглядом — лишь на мгновение. Голубые глаза артиста светились весельем.

На закуску подали салаты из морепродуктов и икру. Затем пришла очередь горячего, и Рита испугалась за свою талию. Она любила покушать, и такое обилие съестного, к тому же аппетитно украшенного, вызвало у нее слюноотделение. Есть вечером вредно, но как удержаться?

Байрамов ни в чем себе не отказывал: калории будут сожжены в течение первого часа репетиции. Сергей выбирал овощные салаты и рыбу, не прикасаясь к мясу. Илона потихоньку клевала закуску, а к основным блюдам так и не притронулась. Не иначе жесткая диета и помогла ей сохранить замечательную фигуру.

Звучали тосты, Илона сердечно благодарила каждого выступающего. На юбилей пригласили известных певцов и музыкантов, не дававших гостям скушать.

— Как настроение? — раздался знакомый голос над ухом Риты. Это подошел Сергей, покрасневшийся, как после физической нагрузки.

— Отличное! — улыбнулась она. — Прекрасная вечеринка!

— Ты не против, Игорек, если я минут на десять украду у тебя жену?

— Если только на десять, — милостиво согласился Байрамов.

Свердлин взял Риту за руку и отвел в пустое фойе. Они сели в кресла, стоящие по обе стороны журнального столика.

— Итак, — начала заинтригованная Рита, — в чем дело?

— Это касается Илоны, — сказал актер. — Ее кто-то преследует.

Рита подняла брови.

— Уверен?

— Понимаю, что ты имеешь в виду: Илона уже не в том возрасте. Но факт остается фактом.

— И в чем это преследование выражается?

— Ей звонят.

— И что говорят?

— В том-то и дело, что ничего! Пыхтят в трубку.

— Может, кто-то из поклонников узнал телефон, но не решается заговорить? — предположила Рита.

— Мы сначала тоже так думали, — кивнул Сергей, — но это продолжается несколько месяцев. Илона меняла номер дважды, но этот человек каждый раз узнает новый!

— Она заявляла в полицию?

— Нам сказали, что это не имеет смысла до тех пор, пока нет угроз. А их нет, только ведь это не нормально, да?

— Точно, — пробормотала Рита.

Ей доводилось вести подобные дела. Последним стало расследование об угрозах в адрес вокалистов группы Black & White¹. Артистов преследуют не только навязчивые поклонники, но и недоброжелатели, поэтому порой им даже приходится прибегать к помощи телохранителей. Но чем поможет телохранитель, если артисту не угрожают, а всего лишь делают его жизнь невыносимой?

— Игорь говорил, что ты частными расследованиями занимаешься? — продолжал Свердловин.

Рита кивнула.

— А Илона-то в курсе, что ты ко мне обратился?

— Илона считает, что звонки — ерунда, но я-то вижу, как они ее расстраивают! У нее в последнее время здоровье пошаливает..

— Выдаешь мои секреты? — раздался мягкий женский голос.

В фойе неслышно вошла Рогозина. Наверное, она заметила отсутствие Сергея и решила выяснить, где он пропадает. Лицо актрисы выражало доброжелательность, но взгляд показался Рите оценивающим.

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Соло на раскаленной сцене».

— Это Маргарита Синявская, — спокойно представил Риту Свердлин. — Жена Игоря Байрамова.

— Синявская? — медленно произнесла актриса. — Дочка Григория Синявского?

— Верно, — ответила Рита.

Выражение лица Рогозиной изменилась, взгляд смягчился. Очевидно, она признала Риту за свою.

— Я знала вашего отца. — Она опустила в кресло. Подол ее платья при этом зашуршал и опустился вокруг стройных лодыжек, открывая изящные туфли на высоченных каблуках. — Он был потрясающим балетмейстером. И такая ужасная смерть... Мне очень жаль!

— Спасибо.

Рита испытывала неловкость, когда при ней упоминали о гибели отца. Он был деспотичен и не терпел возражений даже от близких людей. В то же время Григорий Синявский бывал щедрым и великодушным. И, что ни говори, он приходился Рите отцом.

— Так о чем вы секретничали? — поинтересовалась Илона. — Мне косточки перемывали?

— Ты думаешь, у нас не найдется более интересных тем для разговора, чем твоя персона? — спросил Сергей, и Рита удивилась его тону. На людях Свердлин проявлял безмерную заботу и предупредительность по отношению к немолодой любовнице, а здесь, судя по всему, не считал нужным притворяться и общался с ней как с равной по возрасту. — Но ты права: мы действительно говорили о тебе. Вернее, об этих идиотских звонках.

— О! — воскликнула Рогозина, махнув рукой. — Он такой паникер! Не думаю, что стоит обращать внимание на какого-то несчастного, больного человека.

— Не забывай, что больной и несчастный как-то быстро находит твои номера телефонов, несмотря на все предосторожности, — заметил Сергей.

— Мне кажется, я знаю, кто это может быть, — сказала Илона.

— Да ну? — не поверил Свердлин. — И кто же?

— Да Евгеша, кто же еще!

— Ты с ума спятила! — расхохотался Сергей. — Чтобы Евгеша в ее возрасте и с ее-то интеллигентскими замашками стала заниматься такими глупостями?

— Может, она считает себя обиженной? — продолжала убеждать его Рогозина. — Хочет вернуться или мечтает доставить мне как можно больше неудобств?

— Пойдите-пойдите, — прервала непонятный диалог Рита. — Кто такая Евгеша?

— Бывшая помощница Илоны, — пояснил Свердлин.

— Вот именно, что бывшая! — с презрением выговорила Рогозина. — А ведь три года у меня проработала, и я понятия не имела, что она за особа!

Рита насторожилась. Неожиданно речь зашла о том, о чем она сама собиралась спросить актрису при встрече.

— А что, собственно, произошло?

— Обокрала она меня, интеллигентка чертова, вот что!

— Мы не уверены, — вмешался Сергей.

— Конечно, давай-давай! — раздраженно воскликнула Рогозина. — Ты всегда ее защищал!

— Потому что я не верю, что Евгеша могла так поступить, — сказал Сергей. — Не из таких она.

— А из каких это таких, позволь спросить? — разозлилась Илона. — Тоже мне, аристократка!

— Объясни толком, что случилось? — попросила Рита Свердлина, видя, что от актрисы фактов не добьешься.

— Работала у Илоны милая женщина, Евгения... не помню отчества, ее все Евгешей звали. Почти три года продержалась. А потом у Илоны драгоценности пропали.

— Два кольца с изумрудами, серьги и брошь сапфировая, — уточнила актриса. — Оборотень, а не человек!

— А почему вы на нее грешите? — спросила Рита.

— Да потому, что цацки у нее в сумке нашли! — эмоционально пояснила Рогозина. — И кто бы мог подумать?

— Как сама Евгеша отреагировала на обвинение?

— Отрицала, разумеется! — передернула плечами актриса.

— Даже когда в сумочке обнаружили драгоценности?

— Даже тогда, представьте!

— А я все равно не верю, — упрямо качнул головой Сергей.

— Дурак потому что, — фыркнула Илона. — Была б Евгеша помоложе, я бы предположила, что ты в нее влюблен, честное слово!

Интересно, подумалось Рите, а сама-то Рогозина — девочка, что ли?

— Она столько для тебя сделала, хранила...

Рита заметила предупреждающий взгляд, брошенный актрисой на Сергея, и он замолк на полуслове.

— В общем, — сказал он через минуту, — есть люди, которым веришь. Не представляю, как это могло случиться...

В этот момент дверь в банкетный зал распахнулась, и на пороге показалась та самая здоровенная девица, которую Рита заприметила за столом. Она стала делать актрисе какие-то знаки.

— Меня в зале ждут, — поднимаясь, проговорила Рогозина. — Они там празднуют, а именинница куда-

то запропала! Вы тоже возвращайтесь, а то все веселье пропустите.

С этими словами актриса грациозно проследовала к двери. Рита проводила ее взглядом. Из нескольких минут, проведенных в обществе Рогозиной, она поняла две вещи: эта женщина обладает вздорным характером, и она невероятно привлекательна, несмотря на солидный возраст.

— Ты Илону не слушай, — сказал между тем Сергей. — Она нетерпима, и только собственное мнение кажется ей единственно правильным.

Рита кивнула в знак согласия.

— Тем не менее, — продолжал Свердлин, — когда Евгеша была с ней, я за Илону не волновался. А Тоньку, черт бы ее побрал, я видеть не могу!

— Кто такая Тонька? — спросила Рита.

— Ты только что ее видела — гусар в юбке, ни дать ни взять!

Рита посмеялась про себя, вспомнив, что ее первое впечатление о девице было таким же.

— Илона взяла ее вместо Евгешы? — поинтересовалась Рита.

— Ага, — убитым голосом ответил Сергей. — Смотрит на Илону коровьими глазами, ходит за ней по пятам как привязанная...

— А где Илона ее нашла?

— Среди поклонниц тусовалась. Я Илону понять могу: ее фанаты в основном старухи да экзальтированные одинокие тетки, а тут — молодая девка, глядящая на нее с таким восхищением, словно Илона — Мадонна. Кто бы не купился? Евгешу уволили с позором, ей нужна была новая помощница, и Тонька оказалась подходящей кандидатурой.

— Чем она тебе насолила? — спросила Рита.

— Да ничем, — пожал плечами Сергей. — Только меня от нее в дрожь бросает, поверишь? А Илона от

нее без ума. Не представляю, что она в ней такого разглядела?

— Может, ты необъективен? Тоня тебе не нравится, вот и катишь на нее бочку.

Сергей передернул плечами.

— Ладно, — сказал он, подводя черту под разговором о новой помощнице Илоны. — Вернемся к нашей проблеме. Ты разберешься со звонками?

— Попробую, — ответила Рита.

— Вот и славно. А теперь давай-ка вернемся в зал, а то Игорь, чего доброго, начнет ревновать!

И, галантно предложив Рите руку, Сергей поднялся с места.

* * *

— Мама? Да что вы такое говорите!

Людмила Стебенкова являла собой воплощение благородного негодования.

— Мама никогда не взяла бы чужого! — продолжала молодая женщина.

Рита и не ожидала иной реакции: кто признает, что его близкий родственник — вор?

— Вы должны что-то сделать! — продолжала бушевать Людмила.

— Что именно?

— Обелить мою мать, разумеется! Она — самый честный человек из всех, кого я знаю. И меня так воспитала: даже чужих игрушек брать не разрешала, а тут — драгоценности... Ни за что не поверю!

Рита подумала, что отношение к ситуации Людмилы и Сергея Свердлина совпадает. Людмиле-то Евгеша матерью приходилась, а вот у Сергея нет причин ее выгораживать. Может, Евгения Михайловна Трубачева и в самом деле не имела к краже отношения?

— Сделаю все, что смогу, — заверила она Людмилу. — Завтра отправлюсь по соседям.

— Да я с ними говорила, — махнула рукой женщина. — Ничего путного не выяснила!

— Вам они не скажут, а постороннему человеку — возможно, — возразила Рита. — А вы пока вот что сделайте: сходите в полицию и напишите заявление о пропаже матери. И не слушайте возражений: не принять не имеют права!

* * *

Дом, где обитала Евгения Трубачева, оказался кирпичным, построенным в конце семидесятых. На территории царил идеальный порядок: ухоженные газоны, на которых кое-где еще виднелись пучки пожухлой травы, деревья, высаженные вдоль чугунных заграждений, и полное отсутствие автомобилей, припаркованных около подъезда — факт сам по себе удивительный!

Подойдя к парадному, Рита огляделась. У газона она заметила старушку, выгуливающую черного цвергшнауцера. Рита питала слабость к собакам, но из-за отца ей не разрешали заводить домашних животных. А теперь в их доме живет кот Абрек, оказавшийся беспризорным в результате трагической гибели танцовщика из отцовского театра. Цвергшнауцер выглядел мило, и Рита невольно улыбнулась, когда песик повернул к ней свою бородатую мордочку.

Она развернула листок, на котором записала адрес Евгеша, и сверилась с номером квартиры на табличке, прибитой у двери в подъезд.

— Вы кого-то ищете, девушка? — поинтересовалась хозяйка собаки.

— Честно говоря, да, — ответила та. — Мне нужна Евгения Михайловна Трубачева.

Лицо дамы с собачкой мгновенно сменило приветливое выражение на подозрительную маску.

— А вам она зачем? — сквозь зубы спросила она.

Рита удивилась такой реакции.

— Видите ли, дочь Евгении Михайловны наняла меня разыскать мать...

— Шли бы вы отсюда, — сурово прервала Риту женщина с собачкой. — Мать, видите ли, разыскивает!

Но Рита не собиралась сдаваться: похоже, она случайно нарвалась на человека, который что-то знает.

— Послушайте, — сказала Рита, вытаскивая из кармана удостоверение. — Я — частный детектив. В мое агентство обратилась Людмила Стебенкова с просьбой выяснить, что случилось с ее матерью. Людмила подала заявление в полицию, но вы же понимаете, что никто не станет сбивать каблуки в поисках никому не известной пожилой женщины.

Дама внимательно прочитала все, что было написано в удостоверении Риты, и черты ее разгладились.

— Ладно, — вздохнула она. — Чаю хотите?

— Не откажусь! — обрадовалась Рита.

Она терпеть не могла чай, предпочитая всем напиткам черный кофе, но ради хорошего дела можно и изменить привычкам. В квартире новой знакомой Риты, назвавшейся Риммой Анатольевной, проживал еще миттельшнауцер. Он недоверчиво обнюхал гостью и только потом вильнул хвостом.

— Я выгуливаю их отдельно, — пояснила хозяйка. — Когда они вместе, все время задирают крупных собак — ничего не боятся, черти маленькие! Проходите в комнату, только тапочки наденьте.

Рита с трудом нацепила шлепанцы тридцать шестого размера на свой сорок первый и пошла по коридору вслед за Риммой Анатольевной на кухню.

— Вы извините, что не в гостиной принимаю, — сказала хозяйка квартиры, — но у меня, видите ли, ремонт. Только кухня пока не тронута.

— Ничего, — улыбнулась Рита. — Мы и сами кухню предпочитаем другим помещениям в доме — все под рукой!

Римма Анатольевна одобрительно кивнула и включила электрический чайник.

— Так что вы можете мне рассказать о Евгении Михайловне, Римма Анатольевна? — спросила Рита.

— У Жени с дочкой отношения не ахти. Я Людку с детства знаю, она вообще-то неплохая девка, только от матери слишком многого требует. Вышла, видите ли, замуж и хотела, чтобы Женя с детьми ее сидела. А Женя не такая, как большинство бабок, понимаете? В ней еще сил — о-го-го! Повезло, устроилась работать к какой-то актрисе. Правда, она ничего не рассказывала: как только о ней заходил разговор, Женя старалась сменить тему. Смешно, как будто государственную тайну хранила!

— Интересно, — пробормотала Рита.

— Но дело не в работе. Недавно объявились некие агенты и принялись наших одиноких жильцов обхаживать. И ко мне подкатывали, да сразу интерес потеряли, поскольку в моей квартире еще трое родственников прописаны. А на Жениной жилплощади только она, дочка прописана у мужа.

— Вы полагаете, агенты нацелились на ее квадратные метры?

— Они предлагали Женьке договор пожизненного содержания. Это ей-то, представляете? Да она всех их вместе взятых переживет!

— Евгении Михайловне всего пятьдесят девять лет, верно? — спросила Рита.

— Она здоровая как лошадь, слава богу, и ни в каком уходе не нуждается. А что до денег по договору, так она и у актрисы неплохо зарабатывала. Не миллионы, конечно, но на жизнь, вместе с пенсией, хватало. Вот Женька их и послала куда подальше!

— Они отстали?

— Ничего подобного! Стали по телефону названивать, предлагать условия одно лучше другого. Но Женя не сдавалась. Я считаю, она прячется, чтобы отвязаться от этих «агентов».

— Возможно, — согласилась Рита. — А вы не думаете, что они могли что-то с ней сделать? Раз не вышло по-хорошему?

Глаза Риммы Анатольевны расширились:

— В смысле?.. Женьку похитили?

— Может, и нет, — поторопилась успокоить ее Рита. — Но вы же знаете, что на квартирном рынке творится?

— Да уж, полный беспредел! Они вполне могли Женю умыкнуть и держать где-нибудь, пока она не подпишет бумаги. Господи, может, она уже бомжует, а мы и не знаем?

— Это вряд ли, — возразила Рита. — Если Евгения Михайловна жива-здорова, она пришла бы к дочери.

— А могла и не прийти — она гордая! Не поползла бы к Людке на брюхе, а скорее отправилась бы к одной из подружек — их у нее предостаточно.

— Вы знаете какие-нибудь телефоны или адреса?

— Сейчас!

Римма Анатольевна вышла и вскорости вернулась, неся пухлую записную книжку.

— Вот тут есть два телефона. Я могу их вам записать, но лучше бы поговорить с актрисой, у которой работала Женя. Не помню, как ее зовут... Со странностями тетка, скажу я вам.

— Почему вы так говорите? — удивилась Рита. — Сами же сказали, что ваша приятельница помалкивала о ней?

— Да, но иногда она проговаривалась о том о сем... В общем, надо вам с этой актрисой пообщаться.

— Я так и сделаю, — сказала Рита, принимая из рук хозяйки листок с аккуратно переписанными телефонами подруг пропавшей.

В тот день Рита еще успела съездить в Государственное бюро регистрации, где выяснила, что квартира Евгении Михайловны Трубачевой по-прежнему зарегистрирована на нее. Значит, или «агенты» не сумели добиться согласия пенсионерки, или вообще не имели отношения к ее исчезновению. Но тогда непонятно, за что цепляться: Евгешу уволила Рогозина, после чего она бесследно исчезла. Неужели актриса причастна к пропаже помощницы? Это казалось невероятным.

* * *

Сергей Свердлин жил в районе Нового Токсова. Близко от Питера и в то же время достаточно далеко, чтобы почувствовать разницу между задымленным городом и сельской местностью. На въезде в охраняемый поселок сторож проверил у Риты документы и только потом поднял шлагбаум, чтобы она могла проехать дальше.

Вокруг царило благолепие. Аккуратные домики выстроились в ряд, окруженные заборами или изгородями. Некоторые, правда, едва виднелись из-за высоких стен, и лишь отсутствие в них бойниц мешало принять здания за средневековые крепости. Однако большинство участков напоминали альпийскую деревню. Повсюду росли деревья и красовались вазоны для цветов. Кое-где виднелись искусственные водоемы, окруженные садовыми скульптурами в виде лебедей, цапель или лягушат.

Сергей подробно описал Рите свой дом. Заборчик показался Рите слишком низким, а живая изгородь словно бы приглашала зевак и папарацци притаиться за ней с камерой.

Само здание выглядело заурядным по сравнению с другими: двухэтажный бревенчатый дом с островерхой крышей и простым крылечком под навесом. Рита приветствовала скромность, но дом и участок Сергея Свердлина прямо-таки поражали отсутствием излишеств.

Она подошла к калитке и тут же поняла, почему забор такой низкий: откуда ни возьмись ей навстречу рванулись два гигантских бульмастифа! Они бежали, не издавая ни звука, и от этого их движения выглядели еще более устрашающими. Один из псов поставил мощные лапы на калитку, а второй принялся расхаживать кругами, подозрительно глядя на Риту желтыми глазами.

— Ко мне! — раздался окрик со стороны крыльца, и Рита увидела, что к калитке приближается невысокий, полноватый мужчина в тренировочном костюме. Собаки кинулись к мужчине под ноги, пощеничьи повизгивая.

— Вы Маргарита Синявская? — спросил незнакомец.

Рита кивнула.

— Меня зовут Юра. Я работаю у Сергея. Проходите, — сказал он, распахивая калитку. — Да вы не бойтесь, — добавил он, заметив подозрительный взгляд, брошенный Ритой в сторону собак. — Они ребята не злые, но им не нравится, когда кто-то ошивается рядом с забором.

Словно в подтверждение своей доброй воли самый крупный из псов подпрыгнул и запечатлел на лице Риты слюнявый поцелуй. Что ж, знакомство прошло неплохо, если не считать уничтоженного макияжа.

— Сережа в бассейне, — сказал Юра. — Можем пройти прямо туда.

Войдя в дом, она решила взять свои суждения о неприязнательности жилища Свердлина назад. В до-

ме все было устроено с максимальными удобствами: круглый холл с мягкой мебелью, где вполне можно разместить около пятидесяти гостей, великолепный паркет, еще блистающий новизной, и высокие французские окна. В обе стороны от холла расходились комнаты. Их, на взгляд Риты, было не так много, как позволяла слава Свердлина, но, если они обставлены с тем же изяществом, что и холл, это вполне компенсирует недостаток их количества.

Охранник провел Риту под лестницу, ведущую на второй этаж, и распахнул стеклянную дверь. Рита вошла в бассейн.

— Я вас оставляю, — сказал Юра и удалился. Бассейн показался Рите огромным — не какой-нибудь лягушачий пруд, а функциональный, рассчитанный на утомительные тренировки для поддержания в форме тела и духа. Сергей как раз доплыл до конца дорожки и, развернувшись, заметил Риту. Махнув ей рукой, он нырнул и поплыл обратно.

— Здорово, что ты приехала, — сказал он, выходя на белый кафельный пол. — Хочешь поплавать?

— У меня нет купальника.

— А мы сейчас что-нибудь придумаем, — весело подмигнул Рите актер и скрылся за маленькой дверцей. Через пару минут он вернулся, неся в руках три разноцветных купальника.

— Вот, — сказал он. — Хоть один да подойдет!

Рита неуверенно взяла купальники.

— Иди туда. — Он махнул рукой в сторону раздевалки. — Не волнуйся, никто тебя не потревожит.

Заверения были лишними: Рита совершенно не волновалась, находясь с Сергеем в доме наедине. Примеряя купальники, она вспоминала его компактное, тренированное тело, мокрые светлые волосы и прозрачные глаза, похожие на затуманенные окна морозным зимним вечером. Он выглядел как

воплощенная женская мечта, и все же Рита почему-то не могла себе представить с ним даже невинного флирта.

Она остановилась на цельном черном купальнике. Повертевшись перед зеркалом и убедившись, что выглядит хорошо, Рита подняла волосы вверх и закрепила их «крабом». Выйдя к бассейну, она поняла, что ее выбор одобрен, по выражению веселого восхищения на лице Сергея.

— Линда Евангелиста! — радостно воскликнул он, приближаясь. — Этот купальник — то, что тебе нужно. И мое общество, само собой.

Рита с наслаждением вошла в прохладную воду.

— Не слишком холодно? — с беспокойством поинтересовался Сергей. — Видишь ли, я признаю только ледяную воду, но, если это проблема, можно подогреть.

— Не стоит, — ответила Рита, чувствуя, как тысячи холодных иголок впиваются в ее кожу. — Это просто рай!

— Люблю женщин с олимпийским характером! — одобрительно сказал Сергей. — Коня на скаку останавливать пробовала?

— Мое последнее достижение — горящая изба, но все еще впереди!

— Наперегонки? — предложил Сергей.

— Догоняй!

И они одновременно рванулись с места.

— Ты даешь! — восхищенно воскликнул Свердлин, когда его голова высунулась из-под воды на пару секунд позже Ритиной. — Мастер спорта?

— Среди юниоров.

— Я тебя недооценил. Еще разок?

Они проплавали минут сорок, пока Сергей не запросил пощады. Затем они переоделись, и Свердлин провел Риту в гостиную. Она так наслаждалась про-

цессом плавания, что почти забыла, зачем пришла. А собиралась она рассказать Свердловину о том, что узнала о Евгении.

— Вот, собственно, и все, — подытожила она. — И что ты думаешь?

— Офигеть. — Он задумался.

— Как считаешь, Евгения могла звонить Илоне и дышать в трубку? Просто чтобы заставить нервничать?

Сергей громко фыркнул:

— Как ты себе все представляешь? Она что, затаилась у подружки и давай названивать Рогозиной? Идиотизм!

— Возможно, решила отомстить? — предположила Рита. — Ведь расставание с Илоной было не дружеским.

— Ой, не говори, — махнул рукой Свердловин. — Сценка та еще, Бомарше позавидует. Илона так орала, что и мертвого подняла бы: вся трупка сбежалась... Евгеша стояла как соляной столб, и я по лицу ее видел, что она — ни сном ни духом!

— А почему она в Евгешину сумочку полезла, ни с того ни с сего?

— Слушай, а ведь... Да, точно: Илона выходила. Я еще ковырялся в гримуборной, а она отсутствовала где-то минут пять. Потом вбежала как фурия и — хват сумочку Евгешину. Та и пикнуть не успела, как Илона вывалила содержимое на пол. Само собой, и бирюльки повыпадали.

— Ты не спрашивал, куда и зачем она выходила?

— Илоне в тот момент лучше было вопросов не задавать. От нее аж пар шел, так она разозлилась!

— Да-а, — протянула Рита. — Неприятно!

— Не то слово! — согласился Сергей. — Евгеша, наверное, чувствовала себя оплеванной.

— И после этого ты утверждаешь, что она не могла отомстить Илоне за унижение?

— Могла, — усмехнулся Свердлин. — Только не так.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы Евгеша и в самом деле вознамерилась свести с Илоной счеты, она отправилась бы прямоком в газеты. Ты не представляешь, какие секреты хранила эта женщина и что могла бы порассказать!

— Все так серьезно?

Свердлин пожал плечами:

— У любой известной личности полно тайн!

Рите показалось, что Сергей имел в виду больше, чем высказал вслух, но выпытывать она не решилась: в конце концов, в ее компетенцию не входит разузнавать подноготную Рогозиной. От нее требуется лишь прекратить навязчивые звонки.

— Так что ты намерена делать? — спросил Сергей после непродолжительного молчания.

— Звонят скорее всего с мобильного. У Илоны есть АОН на стационарном телефоне?

— Да, но номера все время разные.

— Получается, «шутник» звонит с разных аппаратов. Можно, конечно, их проверить, но сомневаюсь, что это что-то даст: в городе полно общественных мест, откуда можно позвонить и остаться анонимным.

— А на мобильнике телефон не определяется, — добавил Сергей удрученно.

— При желании этот вопрос можно прояснить. Похоже, звонящий делает все, чтобы остаться неузнанным. Может, это кто-то из знакомых Илоны?

— Зачем знакомым названивать и пыхтеть в трубку, если они в любой момент могут встретиться с ней лично?

— А если у кого-то зуб на твою подругу? Есть такие, помимо уволенной помощницы?

— Да миллион! Ты наверняка заметила, что у Илоны характер не сахар?

— А еще я заметила, что ситуация беспокоит тебя, а ее, видимо, нет?

— На самом деле, беспокоит, — вздохнул Сергей. — Видишь ли, Илона одинока: ни семьи, ни детей, ни друзей настоящих. Она терпеть не может обращаться за помощью, ненавидит быть кому-то обязанной, храбрится, хорохорится. Думаю, она не хочет, чтобы лезли в ее частную жизнь.

— Боюсь, без этого не обойтись, если мы хотим избавить Илону от телефонного маньяка, — покачала головой Рита.

На улице раздался шум подъезжающей машины. Свердловин встрепенулся и подскочил к окну.

— Черт! — пробормотал он. — Совсем забыл: Илона приехала репетировать!

Рита удивилась: почему вдруг Рогозина приехала на репетицию на дом к Сергею?

Снаружи раздались голоса. Очевидно, Юрий провожал гостью в дом. Дверь распахнулась, и вошли трое — он, Илона и новая помощница актрисы. Рядом со стройной, миниатюрной Рогозиной она выглядела как Гулливер рядом с лилипутами — настоящая гора! Она не была толстой, вряд ли ее можно было назвать даже полной, но девица казалась чересчур крепко сбитой и неуклюжей, особенно в своей «униформе», состоящей из черной юбки и белой блузки.

Мельком взглянув на Сергея, Рита заметила, что его лицо напоминает застывшую маску идола с острова Пасхи. Что случилось? Может, он чувствует себя неудобно из-за ее присутствия?

— О! — воскликнула Илона и мило улыбнулась Рите. — Дочка Синявского? Какая неожиданность. Мы вам не помешали?

— Что вы! — быстро ответила Рита. — Я уже ушла...

— Не торопитесь!

— Нет-нет, мне действительно пора.

Рита чувствовала себя неудобно, несмотря на кажущееся дружелюбие актрисы.

— Я тебе позвоню, — сказал Сергей.

— Да, конечно, — пробормотала Рита и кинулась к двери. Наверное, именно так должна вести себя женщина, застигнутая у мужчины его официальной любовницей.

Только пробежав большую часть дороги до калитки в сопровождении радостно виляющих хвостами собак, Рита поняла, что забыла сумку в холле! Там документы, деньги, а главное — мобильный телефон... Придется идти назад. Если повезет, Сергей и женщины уже прошли в гостиную и Рита беспрепятственно заберет сумку и незаметно слиняет!

Осторожно приоткрыв дверь и убедившись, что за ней никого нет, Рита вошла. Из комнаты дальше по коридору доносились громкие голоса, принадлежащие Илоне и Сергею.

— Какого черта ты притащила с собой эту глупую корову? — возмущался Свердлин. — Я предупреждал, чтобы ноги ее здесь не было!

— Не дергайся, — перебила Илона. — Ты же понимаешь, что я не могу без Тони обходиться!

— Да сколько она с тобой — без году неделя? «Не могу обходиться»! Вот без Евгешки...

— Мы же договорились не упоминать ее имени.

— Мы также договорились, что ты не станешь тащить в этот дом всякую шваль. Я не обязан терпеть твою девку на своей территории!

Рита, застывшая с протянутой к сумке рукой, внезапно почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и повернула голову. У лестницы стояла Анто-